

Б. КОШЕЧКИН,
кандидат географических наук

„И оный против положить на карту“

Когда наш корабль оставил рейд Поморской губы и взял курс на восток, мы уже не могли сидеть в каюте и, теснясь в ходовой рубке, следили, как за каждым поворотом открывались все новые и новые панорамы, контрастные от синевы воды, белизны льда и темноты гор...

Путь наш лежал к Новой Земле, к проливу Маточкин Шар.

Пролив Маточкин Шар — не только дорога Пахтусова и Цивольки, Литке и Бэра, Хольстеда и Визе, путь открытий и славы многих исследователей и мореплавателей. Этот уголок Новой Земли напоминает и о первых русских полярных плаваниях и похо-

дах, об исчезнувших путешественниках и целых экспедициях, он обещает еще не прочитанные страницы истории арктических открытий.

Именно поэтому, помимо специальных задач нашей экспедиции, мы задались целью отыскать в Маточкином Шаре следы пребывания здесь первой русской экспедиции по изучению Но-

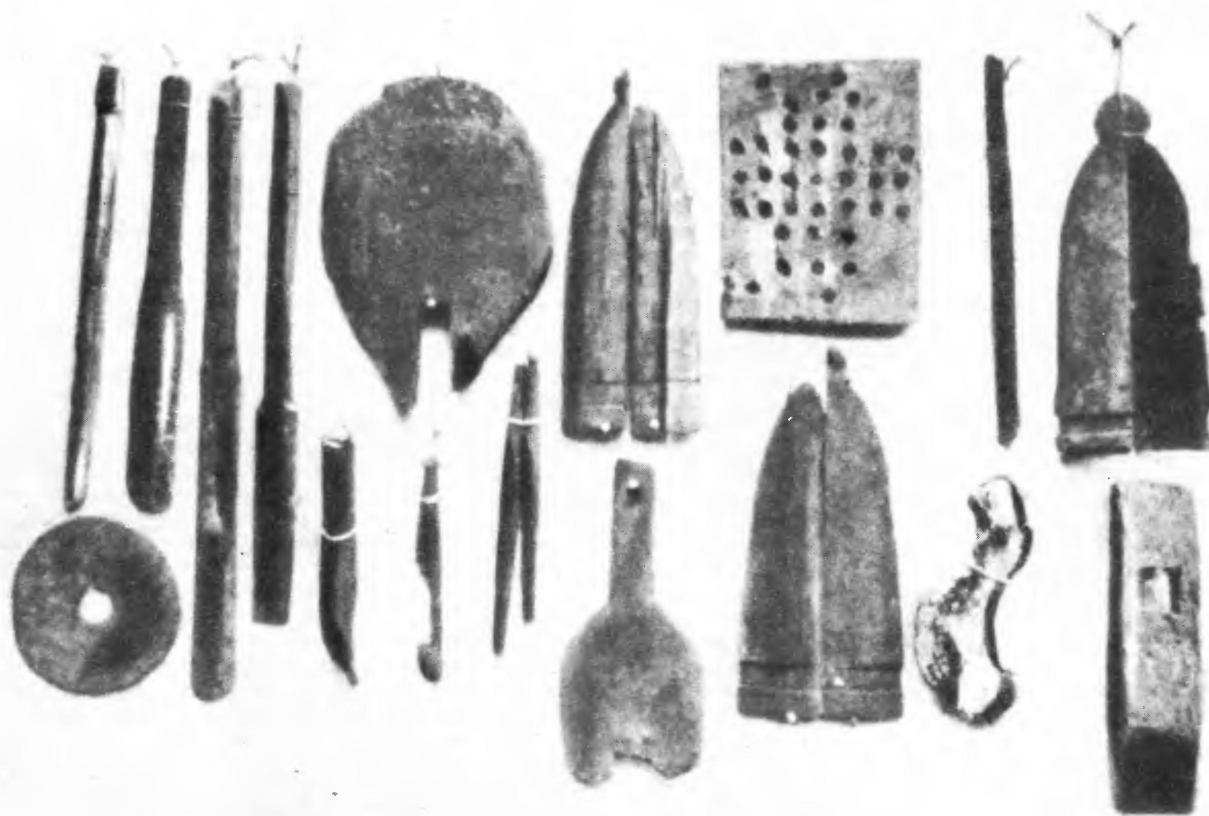
Памятная доска, найденная в 1897 году близ могилы Якова Чиракина на полуострове его имени.

Развалины зимовья отряда М. Губина и памятный крест на мысе Дровяном. Фото 1897 года.

Хозяйственные и бытовые предметы и орудия промысла, обнаруженные в 1897 году на зимовье Розмыслова в Тюленьем заливе.

вой Земли. Ее участники остались на зимовку в восточной части пролива в 1768—1769 годах. Там же окончил свой жизненный путь один из руководителей плавания, самоубытный исследователь Арктики Яков Чиракин.

...В 60—70-х годах XVIII столетия потомственный помор, выходец из Шуерецкой волости Яков Яковлевич Чиракин в течение девяти лет совершал плавания от берегов Студеного

моря к далекой Маточке, как называли величайший в Евразии заполярный архипелаг. Коч мореплавателя шел от устья Двины в беломорское горло, оставляя с запада скалистые берега Терского, а с востока — песчаные отмели Зимнего берега. Там, на устланной лишайниковой тундрой пологой спине Канина Носа, уходящих в океан провожал поставленный дедами высокий деревянный крест. «Боже, дай нам ветра» — было вырезано на его мощной темной перекладине...

От Семи островов коч Чиракина поворачивал на северо-восток, где ждал его затянутый туманами «Камень в море пояс» — выступавший над водами Ледовитого океана хребет Новой Земли.

Осенью 1767 года, вернувшись из очередного новоземельского плавания, кормщик передал в канцелярию Архангельского губернатора доклад, в котором сообщалось, что он, Чиракин, «оную Новую Землю проходил поперец насквозь на другое, называемое Карское море, два раза оттуда и возвращался в Белое море тем же проливом и одному месту снял он своеручно план».

Перед Архангельской портовой конторой стал вопрос об исследовании нового водного пути, который выводил бы к богатой Сибири, к берегам далекой Америки. По представлению конторы 16 ноября 1767 года «план Чиракина» слушали в Адмиралтейств-коллегии в Петербурге. Высочайшим рескриптом архангельскому губернатору А. Г. Головцыну было предложено отправить экспедицию для описи неведомого пролива.

Руководство исследованиями было возложено на штурмана Федора Розмыслова. В состав экспедиции, кроме Розмыслова и Чиракина, вошли подштурман Матвей Губин, два матроса и девять промышленников-поморов. Всего 14 человек. Для дальнего похода купцом Антоном Барминым был выделен многократно бывавший в плаваниях трехмачтовый коч.

Пространная инструкция, данная губернатором «для описания и осмотра сысканного Чиракиным через Новую Землю пролива», подробно определяла задачи будущего плавания. В ней предписывалось: «...прибыв к оному Карскому проливу и оный пролив с частями земли, которую видеть можете, положить на карту, и того пролива глубину измерить и в какой те острова и пролив широте, и за проливом какое положение местам — описать; и буде возможно будет и большим судном пройти сквозь оной, то и в том старание употребить...»

Если же, по благости Божией и по переходу через оной пролив, по смотру Вашему, найдется за тем проливом море, мореплавание способное, и льдов нет, но невозможно ль будет до устья Оби реки иметь таковыми судами способный проход; все то под-

робно приметить и описать. А буде расстояние недалнее окажется, то не будете-ль вы в состоянии на оном судне и в Обь реку войти; и ежели препятствия в том не найдется, то, склоня к тому пристойным образом кормщика и работников, — до Обского устья, или сколько глубина той реки позволит; а буде не можно, то хотя и до губы вояж предпринять... За тем проливом во время вояжа к устью Оби реки буде увидите, и то обстоятельно описать, какие суда, отколь и куда, и с чем и какими местами ходят...»

Через неделю после начала плавания с борта коча открылась Гусиная Земля, а 15 августа судно вошло в Маточкин Шар. Здесь, в устье одной из рек, была найдена старая промысловая изба. В предвидении зимовки избу в разобранном виде погрузили на судно — в добавление к уже имевшейся захваченной из Архангельска. «И в том рассудилось, — записал в журнале начальник экспедиции, — дабы поставить оныя в разных местах для лучшего промыслу».

Опасаясь мелей, в дальнейший путь Розмыслов отправился на шлюпке, с которой провел промер вплоть до мыса Моржов. В последующие дни он преодолел путь до восточного выхода из Шара. Весь маршрут до устья реки Шумилихи был положен на карту и подробно описан. Однако выйти в Карское море не удалось. «Противные ветры к тому не допускают», — отметил штурман в своем журнале. На востоке Шара в качестве места для зимовки Розмыслов избрал залив обширной Белужей губы, названный им Тюленьим, «ибо множество тут находится плавающих стадами морских зверей, белух и разных родов тюленей».

На время зимовки путешественники разделились на две равные группы. Первая, во главе с Розмысловым и Чиракиным, осталась на берегу Тюленьего залива в привезенной промысловой избе. С наступлением холодов люди «законопатили избные окна от нестерпимости снегов и крепких ветров». Избу, привезенную из Архангельска, штурман Матвей Губин с шестью работниками поставил на берегу Шара, у Дровяного мыса.

Еще осенью кормщик экспедиции — Яков Чиракин — тяжело заболел. В журнале Розмыслова он значится сначала «большим», потом «трудно-большим». А 17 ноября Чиракин «окончил долговременные страдания свои».

«Могила его вблизи избушки, где он жил. Гроб был опущен на небольшую глубину и заложен каменными плитами... Вероятно, нетрудно будет отыскать ее», — писал в наши дни в книге «По следам полярных экспедиций» знаток истории освоения советской Арктики профессор М. И. Белов.

Разумеется, прежде чем отправить-ся на место легендарной зимовки, мы

попытались по возможности точно определить ее местонахождение. Для этого до начала экспедиции пришлось тщательно изучить документы плавания Розмыслова, путевые записи последующих исследователей, труды историков, освещавшие события трагической зимы.

Первым, кто обнаружил места зимовки отрядов Розмыслова, был П. К. Пахтусов, который дважды, в 1833 и в 1835 годах, посещал восточную часть Маточкина Шара. Избу Розмыслова он нашел уже разрушенной, с обвалившимся потолком и стенами. Известно, что Пахтусовым здесь было сооружено подобие гурия, в камне которого была вложена бутылка с запиской, удостоверяющей факт посещения и мемориальное значение руин. Изба Губина на Дровяном мысу к этому времени была еще в хорошем состоянии, и Пахтусов оставил в ней запас провизии для следовавшего в этот район отряда лейтенанта Цивольки.

Спустя сорок лет после Пахтусова обширный мыс, отделяющий Тюлений залив от остальной части Белужей губы, посетил на «Веге» знаменитый Норденшельд. «Я был на этом мысу в 1876 г., — писал он. — Стены избы сохранились, но плоская крыша, покрытая землею и камнями, провалилась... Маленькая лачуга состояла из сеней и горницы с огромной печью и полатами».

В 1897 году место зимовки было подробно обследовано английскими натуралистами Фейльденом и Пирсоном. Их описания весьма схожи между собой. На упоминавшемся уже скалистом полуострове лачуга обнаружено искусственное нагромождение камней. Могила венчал деревянный столб, поперечные вырезы на котором говорили, что когда-то были и перекладыны креста. В нескольких шагах от могилы была поднята сосновая доска, частью обломившаяся, с вырезанным на ней текстом: «Лета... 835... напоминание православным христианам... февраля... дня на месте... погребен Яков Яковлев Чиракин». Копия этой надписи была послана Г. Пирсоном Ю. М. Шокальскому. «Эта доска со старославянским текстом, — говорилось в ответном письме Шокальского, — поставлена в память гибели Якова Чиракина, который был одним из участников экспедиции Розмыслова, кормщиком его небольшого корабля... Я могу сообщить Вам, что в 1845 г. Пахтусов находился некоторое время в Маточкином Шаре и наиболее вероятно, что доска была установлена его людьми».

Недалеко от могилы Чиракина англичане обнаружили еще одну, а при последующих поисках нашли еще три захоронения...

Развалины зимовья сохранились на галечниковой террасе, вблизи берега. Сняв венцы и настил пола, английские путешественники отыскали об-

ломки глиняной посуды, плотничный инструмент, куски рогожи, рыболовные принадлежности. Пирсон и Фейльден обследовали и руины избы Губина на Дровяном мысе, где высился крест в память о событиях зимовки, но следов захоронений не нашли.

Наконец, о зимовье в Тюленьем заливе упоминал и В. А. Русанов. Судя по его дневниковым записям, во время первой поездки на Новую Землю, в 1898 году, путешественник высадился в заливе на карбасе и вместе со своим спутником, французским врачом Кандиотти, побывал на каменистом мысу, увенчанном белым крестом. Там Русанов и Кандиотти также видели могилы Чиракина, его товарищей и развалины зимовья.

...Когда наш корабль бросил якорь в устье Белужей губы, мы оказались как бы на перекрестке двух водных магистралей. Одной из них был Маточкин Шар, другой — целая система долин и ущелий, занятая на севере водами самой Белужей губы, а на юге — руслом реки, уходившей верховьем к недалеким ледникам. На углах «перекрестка» вздымались остроконечные горы, крутые склоны которых были покрыты осыпями и фирновыми полями. Суровая панорама четко отражалась в спокойных водах залива. Прямо по носу корабля в сторону Маточкина Шара выступал каменистый гребень полуострова, за которым угадывался вдающийся в сушу залив.

Мы пересели на катер и, обогнув каменистый мыс, вошли в воды Тюленьего залива. Он оказался неглубок, и киль катера то и дело царапал дно. К берегу удалось подойти лишь после нескольких попыток.

Итак, мы достигли той части побережья, где развернулись события, следы которых нам предстояло отыскать. Именно здесь Розмысловым были заполнены самые мрачные страницы его журнала, лаконично повествовавшие о страшной зиме. Перелистаем эти страницы.

«Зима происходила весьма крепко морозна, снежна и вихревата; ветры непрерывные дули... снега весьма глубоки, так что жилище наше занесено было двойным снегом, сколько оное высоту имело. И беспрестанная ночь при нас находилась с ноября по первое число февраля; и так в помянутых трех месяцах мы уже находили света нисколько и думали, протчия, что уже не лишились ли дневного света навеки. И так мы во оной пустыне продолжая время свое весьма в худом здоровье, ибо беспрестанный был дым от отопления и по согрению сверху всегдашняя была капель и холод, для пропитания воду получали от снега, которая приносила нам великое удушье и кашель».

31 января один из работников на Дровяном мысу, Тарас Колызанов, отправившись на охоту за оленями, попал в бурю и не вернулся, «от чего

и положили считать его в числе мертвых без погребения».

Далее одна за другой следуют даты гибели других зимовщиков...

Июль — время новоземельской весны. Заснеженный панцирь пролива потрескался, обнажив зеленоватую толщу льда. Порывы ветра сдвигали ледяные поля, освобождая гладь воды, делая доступным передвижение в откывшихся разводах.

Казалось, для измученных болезнями и тяготами зимовки оставшихся в живых участников экспедиции наступило время проститься с могилами товарищей, собрать остатки сил и попытаться вернуться домой. Но Розмыслов решил иначе. Уже с появлением солнца он возобновил астрономические наблюдения. Затем с остатками отряда возвратился к устью реки Шумилихи, чтобы продолжить прерванные зимовкой работы по описанию Маточкина Шара. Наконец, пользуясь выражением данной ему инструкции, он «склоняет пристойным образом» своих товарищей на выход в Карское море. Идет на восток до тех пор, пока не встречает непроходимые ледяные поля. Поворачивает назад. Открывает неведомый еще обширный залив, дав ему имя Незнаемого и... хоронит в океане еще одного спутника — Василия Мырцова. Вернувшись в Маточкин Шар, путешественники встретили здесь судно архангельского крестьянина Водохлебова, принявшего на борт остатки экспедиции, «ибо уже на утлом судне через обширность моря пускаться не можно, которое и по закону приговорено, что можно получить самовольную смерть и назваться убийцами». По окончании промысла лодья доставила Розмыслова и его спутников в Архангельск.

Так завершилась эта беспримерная экспедиция, собравшая первые географические сведения о неведомой до того науке центральной части Новой Земли. Экспедиция, впервые изучившая Маточкин Шар и выполнившая, по словам Ф. П. Литке, эти исследования «столь тщательно, что описание его и по сей день остается точнейшим...».

...Мы провели ночь на берегу Тюленьего залива, у костра. Согревшись и прогнав сон несколькими глотками кипятка, сели в катер и перебрались на противоположный берег залива.

От берега начался подъем на неширокую каменистую террасу. Мы поднялись на нее и оказались в хаотическом нагромождении каменных глыб. Очевидно, могилы следовало искать на мысу, ближе к береговой линии, так как трудно было представить саму возможность захоронения в этом каменном лабиринте. Пробираясь в навалах угловатых сланцевых глыб, взбираясь на шаткие каменные пригорки, мы начали спускаться к южной оконечности полуострова. И вот среди темных камней увидели такое же темное дерево креста...

Так открывали землю

Да, то была цель наших поисков — могилы отважных северных мореходов. На вершине одного, более крупного каменного сооружения был укреплен небольшой, крепкий еще, покрытый зеленоватым лишайником деревянный крест с неясно проступавшей надписью. На верхней его перекладине было вырезано: «Якову Чиракину». На нижней: «Пароход Пахтусов». Еще ниже различалась дата: 1901 год. По-видимому, это был тот самый крест, который в 1908 году видел Русанов. Тогда он был еще свежим и белым. Однако в отличие от русановского описания, но в согласии с данными Пирсона здесь была не «одиокая могила». На расстоянии десятка метров нашел покой еще один участник экспедиции. Но его захоронение оказалось повреждено... Не было ни креста, ни какой-либо надписи, которая позволила бы узнать имя покоящегося здесь первопроходца Новой Земли. В небольшом отдалении были видны такие же развалы каменных плит.

Когда мы вышли к берегу залива, то сразу же натолкнулись на остатки зимовья экспедиции Розмыслова. От зимовья сохранился лишь нижний венец избы. Он имел вид прямоугольника, длиной около восьми и шириной порядка четырех метров, с выходом на юг. Сохранилось бревно, служившее основанием внутренней стены, отгораживавшей от жилого помещения небольшие сени. Таким образом, площадь жилой части избы немногим более пятнадцати квадратных метров. Древесина единственного сохранившегося венца была расслоена, частью осыпалась, и ладонь ощущала лишь более крепкие поперечные сучья. Поверхность дерева была покрыта тонким слоем зеленого мха. Скупые следы жалкого жилища, служившего когда-то приютом отряду отважных...

Имена навсегда оставшихся здесь не выбиты ни на могильных плитах, ни на памятной доске. По свидетельству историка Н. Чулкова, списка участников этого арктического плавания не нашлось даже в «деле экспедиции», хранившемся в архангельских архивах. Пользуясь записями в находящемся в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота журнале Розмыслова, мы имеем возможность впервые назвать имена крестьян и матросов, тех, кто вместе с Яковом Чиракиным был предан земле на полуострове его имени весной 1769 года:

Андрей Поспелов из Емецка. Епифан Попов из Лудского посада. Дементий Бернов из Нюхчи. Иван Казимеров.

Память об этих людях, как и обо всей экспедиции Розмыслова, что «онный пролив положила на карту», должна быть увековечена.